

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

98 (35)

СБОРНИК

ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

ИСКУССТВО КОСМЕТИКИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Даже беглый взгляд на литературу, посвященную косметике, позволяет сделать некоторые выводы по поводу смысла и функций косметики на современном этапе развития общества, поскольку уже во введении автор декларирует, в явном или неявном виде, те цели, которыми он руководствовался при ее написании. Эти цели достаточно благородны, и большинство книг подобного рода выполняет свои задачи, являясь руководством «учебно-методического» плана по сохранению привлекательного облика, предотвращению возрастных изменений кожи лица и тела и т. п.

Эти книги обычно пишутся опытными косметологами, желающими сократить наплыв клиентов в косметологические лечебные заведения, поскольку их всегда не хватало, и увеличить число посетительниц в «Салонах красоты», поскольку далеко не все рекомендуемые процедуры легко выполнить в домашних условиях, особенно при отсутствии необходимых исходных веществ и опыта. В этом нет ничего предосудительного, и все это следует только приветствовать. Однако, с другой стороны, подавляющее большинство книг, издаваемых ныне и посвященных искусству нанесения макияжа, удивительно напоминает инструкции по эксплуатации кухонного комбайна или автомобиля (есть же термин — автокосметика) и имеют примерно такой же смысл (предотвращение поломок, правильное включение и выключение, диагностика простейших видов отказа, условия эксплуатации, адреса ремонтных мастерских и прочее). Единственное существенное, по сути, различие состоит в том, что в косметике для людей нет гарантийных ремонтных ателье, где у вас возьмут старое лицо и снабдят вас новеньким, только что с конвейера...

Во всех руководствах подобного толка декоративная косметика неявно объединяет в себе четыре легко идентифицируемые функции:

- коррекция облика,
- предотвращение заболеваний или их лечение,
- защита от внешних воздействий,
- задачи гигиены.

Особняком стоят работы, посвященные собственно лечебно-гигиенической косметике, для которых декоративно-прикладные

функции макияжа мало что значат, и весь авторский пафос сконцентрирован на квалифицированном, но несколько скучноватом описании средств борьбы с многочисленными заболеваниями кожи, волос, ногтей и др.

Несмотря на обилие публикаций, их систематическое чтение навевает не то чтобы грустные мысли, а, скорее, некую тревогу, и не потому, что некоторые советы и особенно рецепты кочуют из книги в книгу, меняя авторов, пропорции и иногда — назначение.

Дело в том, что под словами «искусство макияжа» в этих книгах подразумевается «сиюминутная технология современной косметики», и поэтому не случайно, что среди русскоязычных и зарубежных публикаций нет книги «История косметики». Обычно во введении или в первой главе приводятся фрагментарные сведения из истории декоративной косметики и данные о распространении гигиенических процедур в древности (обычно в античные времена).

Сбор первичной информации по истории использования косметических препаратов оказался крайне утомительным вследствие того, что даже очень обстоятельные труды по истории древних ремесел (например, Лукаса по ремеслам Древнего Египта) содержат буквально несколько строк о косметике. Что же говорить о трудах историков и этнографов, лишь попутно касающихся косметики, татуировок и парфюмерии.

Для историков науки (например, химии) и материальной культуры (древних ремесел и т. п.) косметические рецепты, глухо упоминавшиеся в различных древних манускриптах, не представляли серьезного интереса, находясь как бы на обочине основного направления движения культур (и цивилизаций). Реконструкция же смыслов ее применения почти целиком выпадала из сферы их интересов.

Любопытно, что эта проблема касается именно той косметики, которую теперь называют декоративной, в отличие, скажем, от рецептурных справочников по «медицинской косметике», поскольку многочисленные средневековые авторы (например, Авиценна) уделяли лечению кожи большое и, по понятным причинам, обоснованное внимание. Однако все авторы, и древние и современные, дружно игнорировали декоративно-магические функции косметики то ли потому, что не интересовались ими, то ли потому, что презирали ее.

Мне кажется, что настала пора восстановить «попранную справедливость».

О смыслах и функциях косметики

История косметики неотделима от истории материальной и духовной культуры человечества и является своеобразной калькой последней, проецируясь не только на такие достаточно очевидные вещи, как, скажем, отношение к женщине, но и на более опосредованные — например, на отношение к судьбе и цели земного существования. Далее я остановлюсь на этом вопросе более подробно.

История косметики растворена в истории культуры, в ментальности конкретных этносов и выделить ее оттуда — задача, решаемая древними рецептами экстракции ароматических ве-

иществ (их анфлоража), при которой тончайшие ароматы растений или цветов как бы растворяются или передаются другим, более прозаическим веществам — носителям.

Однако, прежде чем погрузиться в эту сказочно-увлекательную историю, я наметчу те рамки, которые, похоже, пригодны для установления основных, ведущих смыслов косметики — как системы, обладающей своими законами саморазвития, связанными с господствующими в том или ином обществе воззрениями.

Неоценимую помощь в создании подобной шкалы оказала замечательная работа П. Г. Богатырева, посвященная функциям народного костюма, которая, к счастью, оказалась мне доступна. Используя подход автора к анализу функции и смыслов косметики вообще и декоративной косметики в частности, я обнаружил удивительный параллелизм между этими двумя проявлениями культуры.

Нижеследующая табл. 1, составленная на основе работы П. Г. Богатырева¹ (левый столбец), в сопоставлении с толкованием «косметики — как костюма» (правый столбец) дает обобщенное представление о месте косметики в истории материальной и духовной культуры. Подзаголовки, помещенные в правой части строки, у П. Г. Богатырева отсутствуют.

Таблица 1

«Косметика» и «костюм»

Функции	
костюма (по Богатыреву)	косметики
<i>практическая</i>	
Защита от внешних воздействий (холод, вода, солнце, ветер)	Защита кожи лица (рук) от внешних воздействий (холода, тепла, солнца, ветра), тела
<i>удобство в ношении, долговечность, технологичность в изготовлении</i>	<i>утилитарная</i>
	удобство в применении, стойкость и доступность в массовом применении
<i>профилактическая</i>	
предотвращение заболеваний, например, горла (шарф), головы (головной убор) и т. п.	предотвращение заболеваний кожи, образования морщин, преждевременного старения кожи лица, тела
<i>лечебно-гигиеническая</i>	
помощь в лечении различных заболеваний (например, опорно-двигательного аппарата)	лечение болезней кожи, волос, ногтей, зубов и др.
<i>праздничная и торжественная</i>	
обозначение праздничных дней, создание торжественно-праздничного настроения	создание праздничного или торжественного настроения с помощью особенно тщательного и с фантазией сделанного макияжа
<i>свадебные наряды, погребальные, траурные одежды</i>	<i>обрядовая</i>
	свадебная, погребальная косметика, украшивание тела, нанесение узоров на теле и лице
<i>профессиональная</i>	
профессиональная одежда (врач, военный, судья и др.), принадлежность к среднему классу, элитарная одежда	профессиональная косметика в театре (грим), косметика простижителей, косметика исполкомовских или министерских «дам», элитарная косметика

специальные одежды для выполнения ритуальных действий

магическая

функции оберега, выполняемые как отдельными элементами одежды (шапочка, пояс), так и орнаментами на одежде и аксессуарами (украшениями)

сокрытие, экранирование, обнажение эротически значимых элементов тела (ноги, грудь и т. п.)

эстетическая

создание красивого облика, подчеркивание природных достоинств тела

следование прототипу (культурному герою или героине) в одежде

психологическая

повышение самооценки за счет «костюма» (престижная одежда)

детский, юношеский, «взрослый» костюм

социально-половая

одежда для девиц, шлюх, женщин, женихов, женатых мужчин и др.

обозначение сословной принадлежности (крестьянин, ремесленник, купец, дворянин и т. п.)

региональная

выражение национальных или региональных особенностей в одежде

отражение религиозных представлений в гамме и покрое одежды

моральная

обозначение морально-этического отношения к действительности

ритуальная

раскрашивание лица и тела при обрядах инициации, татуирование при достижении половой зрелости, выходе замуж, рождении ребенка и др.

омывание (елеем, маслами), растирания как магические процедуры приобщения к миру и получения магической силы от него, оберег от нечистой силы (подведение глаз, татуирование, окрашивание губ)

эротическая

татуирование некоторых эrogenных зон, раскраска (тонирование) лица и тела в эротически значимые цвета, использование эротических запахов

создание (построение) привлекательного облика в соответствии с господствующими в данной среде представлениями о красоте

мифологическая

следование образу героини при создании облика (прическа «Береника», облик «твигги» и т. п.)

повышение самооценки, улучшение настроения, создание условий для диалога

возрастная

изменение гаммы и стиля косметики и парфюмерии в зависимости от возраста

цвет губной помады, волос, ногтей для женщин различной должностной и социальной принадлежности (секретарша, шлюха, начальница, деловая женщина и т. д.)

сословная

обозначение сословной принадлежности за счет использования регламентированных указаний косметических препаратов и запретов на использование не полагающихся по статусу препаратов (в средние века особенно)

доминирующие оттенки волос, цвета губ, пудр в различных регионах земного шара (Индия — красноватые тона, Египет, Китай — синие-зеленые и т. п.)

вероисповедальная

отражение религиозных представлений, выраженных в гамме косметики, подборе цветовой палитры и запахов

осознанное или неосознанное выражение отношения к жизни и господствующей морали средствами парфюмерии и подбором цветовой гаммы и стиля косметики

Для полноты картины приведем еще одну сводную табл. 2, которая во многом параллельна предыдущей, но с изменением культурных кодов, касающуюся татуировки как «пожизненной косметики». К сожалению, составить еще одну параллельную схему — по маскам не удалось: слишком бедны источники (на русском языке).

Таблица 2

Смысл татуировки	Период
Родовой знак или знак тотема	древность
Знак половой зрелости или инициации	до XIX в.
Знак социальной дифференциации (племенной статус, боевые заслуги)	древность
Опознавательный знак (у рабов, детей, указатель конфессии)	до XX в.
С лечебной целью	древность
Оберег (от болезней, диких зверей, вторжения демонов)	— " —
Спасение от старости (маскировка морщин, увядающей кожи)	— " —
Украшение	по сегодня
Этапы жизненного пути (маргиналы, уголовники, плебс)	— " —
Память о событиях, посещениях	— " —
Знак причастности к группе	— " —
Память об эмоциональном переживании	— " —

Надо сказать, что анализ самих технологий нанесения макияжа вызывает, если угодно, разочарование. Фактически за 4—5 тысяч лет почти ничего не изменилось, и только XX в. породил новые технологии, но в производстве, а не в использовании средств декоративной косметики. Можно выделить несколько канонических схем макияжа (древнеегипетской, шумеро-аккадский, греческий, европейский средневековый, персидский, крито-микенский, индийский, китайский), которые довольно существенно различаются между собой. Однако во все времена, если это разрешалось нормами, принятыми в границах данной культуры, белили лицо, подводили глаза, чернили ресницы и брови, красили губы. В отдельные периоды развития одной и той же культуры макияж то почти исчезал, то приобретал гипертрофированные, даже карикатурные (игровые) формы (обычно на закате культуры). И этому есть свое объяснение.

Пронизывая всю человеческую историю, искусство декоративной косметики незримо нитями связано с важнейшими мировоззренческими установками индивидов, слагавших социум. Проще всего проиллюстрировать это на примере самого термина «косметика», который этимологически связан с «космосом» — не только обустроенной и обозримой частью Вселенной, но и «украшенной».

И еще один пример взаимосвязи косметики с базовыми ритуалами древности.* Как показывает приведенный ниже текст,

* За этот пример я искренне благодарен шумерологу В. В. Емельянову.

функция макияжа соприкасалась с важнейшими мифологемами Судьбы и Священного Брака в древнейшей цивилизации Передней Азии — шумерской.

Визит царя Ура (Шульги) в Кулаб (святилище Инанны в Уруке)²

4. К пристани Кулаба причалил он лодку,
5. С «диким быком лесистой горы», в руке поднятом,
6. С овцой, на руке праведного владыки простертой,
7. С пестрым козленком, бородастым (?) козленком, к груди прижатым,
8. К Инанне в святилище (храма) Эанна он вошел.
9. Праведный пастырь Шульги, возлюбленный сердца,* в одежду та₆ себя одел,
10. hi-hi, как корону, на голову надел.
11. Инанна взглянула с удивлением**
12. Песней, как подобает ей (?), разразилась,
13. Как ép-du,*** ее произнесла:
14. «Царю, владыке,****
15. Если для него я священное омовение приму,
16. Если для пастыря Думузи священное омовение я приму,
17. Если стороны мои***** пастой IM (глина) будут украшены,
18. И если уста мои бальзамом будут умащены,
19. Если сурьмой SEM-ZI (истинный аромат) глаза мои будут подведены,
20. Если его прелестными руками нижняя часть моя будет охвачена,
21. Если владыка, легший к Инанне,
22. Пастырь Думузи,
23. Лоно мое покроет,
-
34. Если на месте возлежания он обо мне позаботится,*****
35. То и я о владыке своем позабочусь,
36. Благоую судьбу определю (= отрежу) для него!
37. О праведном пастыре Шульги я позабочусь,
38. Благоую судьбу определю для него!
39. В его à-gàr-re о нем позабочусь.
40. Владычество над (всеми) чужими странами
41. Определю ему как судьбу!».

Все древние косметические рецепты были строго определены космогоническими магическими смыслами входящих в их состав компонентов минерального, растительного или животного происхождения, и то, что многие из них оказались поистине удивительно эффективными, является загадкой — как бы приглашением к размышлению, косвенно свидетельствуя об изначальном синкретизме древнего мира. Наиболее яркий пример — астрологическое противостояние Меркурия и Венеры и реальный эффект при лечении сифилиса ртутными мазями.

В древности декоративная косметика, парфюмерия и жертвоприношение были нерасчленимо едины. Классическим примером подобного рода являются рецепты обонятельной магии вообще и соблазнения женщин на ее основе, весьма распространенные в рамках арабской культуры, в частности, нашедшие сравнительно недавно научное объяснение на уровне психофизиологии. Однако уже Михаил Пселл писал: «Я вычитал из эллинских книг, что душистые благовония, поднимаясь в воздух, изгоняют дурных духов и замещают их в соответствующих материях добрыми, точно так же в иных случаях камни, травы и тайные

* любящее сердце (менее вероятно).

** Вариант с восхищением.

*** Вариант форме ép-du (= zamāri).

**** Вариант жрецу ep.

***** Бока, ребра.

***** Вариант приятные речи будет мне говорить.

обряды вызывают явление божества. Уже впервые прочтя об этом, я не согласился с подобными утверждениями».³

Так совершенно естественно проявляется важнейшая функция косметики древности — магическая. По-видимому, могущество косметики как «заклинания» и «оберега» было осознано через ее защитные функции — от погодных условий, болезней и старения кожи, сохранения влаги в организме, уничтожения паразитов, нашествия «космических сил» или вторжения в организм злых демонов, путь которым преграждали омования водой, умащения благовонными составами (особенно елеем), соблюдение гигиены волос, ногтей, половых органов. Всем процедурам косметики придавался высший, магический смысл, в зависимости от представлений о силе природных веществ, восходящих к самым древним слоям сознания и подсознания и доверия обряду. Например, подведение глаз и окраска губ помимо чисто гигиенических причин (не лишенных оснований) имели главную — охрану владельца от вторжения демонов, ведущих к болезням (например, трахоме), татуирование женских половых органов имеет явную функцию оберега от проникновения демонов в «телесный низ», и т. п. В одних случаях использовали сурьму, свинец, уголь, железную руду (Ближний Восток, Египет, Африка), в других — золото и медь (Индия), но шумерские матери обводили младенцам глаза именно с целью магического предотвращения болезней и от дурного глаза. Разнообразие подобных косметических процедур поистине бесконечно, поскольку они варьировались в зависимости от смысла космогонических и магических основ мироздания, среди которых, практически без исключений, первое занимала вода. С ее помощью не только совершался обряд очищения (и испытания), но и жертвоприношения (например, «дефлорация» через ритуальное погружение в речную воду — с целью принесения невинности в жертву Богине-Матери, обеспечивающей «счастье в семейной жизни» и устойчивость Космоса).

Во многих случаях удастся проследить изначальную метафорическую подоснову и косметических процедур, и смыслов входящих в нее веществ. Наиболее яркий пример — смысл и функция воды. С древнейших времен считалось, что вода — это жизнь и ее убыль — старость и смерть. Вероятно, подобное представление возникло при наблюдении за жизнью растений. Но вода — это и гниение, а ее отсутствие — консервация (мумификация). Отсюда ведут происхождение представления о «живой» и «мертвой» воде.

Древняя косметика мало использовала собственно жиры, а по возможности — различные составы на основе воды, соков, воска, смол, которые восполняли или, напротив, удерживали воду в коже. В XIX в. и в прагматическом, и в научном плане на первое место выдвинулись жиры и масла животного и растительного происхождения. Сейчас этот подход пересмотрен, и на новом витке развития косметологии в основе большинства препаратов — вода, но с биохимическими добавками (составы типа «Каптюр»). Так новый виток косметических технологий вернул воде подобающее ей место.

Грандиозное мифопоэтическое наполнение имели и процедуры ухаживания за бородой и прической.

Соблюдение не только гигиенических, но и косметологических процедур (скажем, мытье, окрашивание, завивание и ароматизация бороды) играло огромную мифопоэтическую роль в осознании могущества, способности быть предводителем (вождем, жрецом), поэтому, например, забота о сохранении волос (на голове и бороде) занимала в культуре древних народов очень значительное место.

Об этом можно судить по непомерно большому числу различных рецептов, дошедших до наших дней в трудах древних лекарей, — от чисто магических до полностью соответствующих современным прописям растительной лечебной косметики. Многие рецепты для угущения шевелюры и предотвращения облысения на основе помета дожили до сегодняшнего дня, и биологически активные вещества, содержащиеся в ингридиентах, являются предметом изучения для современных косметологов. В качестве примера достаточно вспомнить знаменитое «мумие» — помет некоторых грызунов, питающихся можжевельником. Отношение к плешивости и седине — еще один по-своему примечательный индикатор уровня культуры. Если, скажем, греки лишь изредка позволяли себе вольные высказывания по поводу дамских причесок, то в римской литературе такие словесные выражения часты.

Пряди поддельных волос, ты, Феб, под помадою прячешь,
И закрываешь ты плешь краскою цвета волос.
Для головы прибегать к цирюльнику вовсе не надо.
Лучшею бритвой, Феб, губка послужит тебе.⁴

Или, например,

Бедный! Только что ты снял кудрями,
Был прекрасней Феба и Дианы.
А теперь твое темя глаже меди
И круглее, чем гриб, дождем рожденный.
Робко прочь ты бежишь от дев-насмешниц.
И, коль ты позабыл о близкой смерти,
Знай, что часть головы уже погибла.⁵

Неудивительно, что в тщетных попытках избежать издевательств голову мазали порошком из сушеных лягушек, летучих мышей и золы от ежа или, например, крокодильим пометом, растертым с жемчугом.

Не следует снимать со счета и то, что сами красота и здоровье не только имели чисто житейскую оценку, но и свидетельствовали о благоволении богов (космических сил, добродетелей, удачного перевоплощения по закону Кармы и т. п.), которым очень дорожили.

Совершенно в ином ключе рассматривали косметику древние египтяне. Вероятно, по праву они могут гордиться тем, что в течение как минимум двух тысячелетий держали первенство в производстве и качестве косметических препаратов, снабжая ими и жителей Крита, и греков, и римлян, а в более поздние времена — и Византию. Однако смысл декоративной косметики для них был совершенно иным. Будучи по своей сути рационалистами, они регламентировали и способы приготовления препаратов, и технологию их нанесения. Во всяком случае для посмертной и «портретной» косметики (непревзойденным образцом которой яв-

ляется скульптурный портрет Нефертити) характерна в первую очередь буквально документальная точность. Понятно, душа по возвращении должна была признать свое вместилище! В то же самое время к древнеегипетским прописям восходят рецепты слизистых масок (на основе, например, молока и бобовой муки), охранявшие лицо от иссушающего ветра пустынь, рекомендации по массажу кожи солью с песком (предотвращение возникновения морщин) и многое другое.

О роли и смысле косметики и парфюмерии для египтянина точно сказано в «Песне арфиста»:

Следуй сердцу своему, пока ты жив!
Возложи мирру на твою голову,
Оденься в тонкие ткани,
Умашайся прекрасными истинными мазями богов,
Умножай еще более свои наслаждения.⁶

Искусство приготовления косметических, ароматических и лечебных составов у них было сконцентрировано при храмах. К сожалению, большинство рецептов написано тайнописью (наподобие более поздних алхимических) и расшифровке, кроме некоторых, наиболее простых, не поддается. В античности косметические препараты стали предметом торговли (международной). К этому же времени относится изменение функций косметики. Сами технологии, освященные опытом и передававшиеся по наследству, так же как и приемы их нанесения, сохранялись столетиями.

Важно другое. На первое место неудержимо выдвигались сугубо утилитарно-практические и эстетические функции. И здесь основную роль сыграли греки. Расцвет греческой цивилизации — это и расцвет искусства косметики. Греки выдвинули понятие «канон» — эталон, на который надо ориентироваться, но не обязательно слепо копировать его.

Формирование представлений о «недостижимом образце» — заслуга греков. Считалось, что женщина (обычно гетера), наподобие богини, должна быть обладательницей золотых волос, голубых глаз, матовой белой кожи. Выпне всего ценились пепельного цвета парики, массовое производство которых было налажено на Лесбосе. Позже у римлян это выродилось в обычай следования образцу — чаще жене Цезаря.*

Как только косметика потеряла свои «высшие смыслы», освободившись от нормативно-магических рамок, она стала мишенью для многочисленных эпиграмм:

Лгут на тебя, будто ты волосы себе красишь, Никилла, —
Черныши, как они есть, куплены в лавке они,
Мед покупаешь ты с воском, румяна, и косы, и зубы.
Стоило б дешевле тебе сразу купить все лицо⁷ —

констатирует Лукилий, а позже, уже в римские времена, косметика стала предметом обсуждения и различных философского плана инвектив: «Суетность <...> глубоко отличается от опрятности: например, женщины, злоупотребляющие притираниями и благовониями, украшающие себя золотом и пурпуром, представ-

* Не так далеко ушла от этого и наша цивилизация с культом идолов массовой культуры.

ляются мне суетными, но никому не будет поставлено в упрек пристрастие к купанию, натиранию маслом, поддерживанию волос в чистоте», — пишет Плутарх.⁸

Знаменитый софист Флавий Филострат (III в.) в письме к женщине (№ 22) пишет: «Женщина, которая прибегает к притираниям, хочет казаться красивой, хочет восполнить то, чего от природы у нее нет <...> Подводить глаза, носить искусственные волосы, румяниться, красить губы и применять всякие другие средства, чтобы казаться красивой и вызвать ложное впечатление расцвета красоты, — все это было изобретено для восполнения недостатков. Но только то, что не нуждается во всем этом, поистине прекрасно <...> ты не мажешь свое лицо и прекрасна без обманчивых ухищрений, как те женщины древних времен, которых любили и золотой дождь, и бык, и водные потоки, и птицы, и змеи; а румянами, воском и тарентскими тканями, и змеевидными браслетами, и золотыми цепочками пусть пользуются Таида, Лаида и Аристагора».⁹

Из римских времен ведут свое начало два знаменитых, не потерявших своей актуальности и по сей день рецепта — рецепт увлажняющего крема для лица — изобретение великого Галена (165 г. н. э.), и маска Поппеи.

О первом из них в начале века замечательно выразился Д. Джойс: «Миндальное масло и бензойная настойка, — сказал мистер Блум, — и потом померанцевая вода <...> От этого лосьона кожа делается у нее нежная и белая, точно воск. — И еще воск, — добавил он».¹⁰

Второй «вечный» рецепт — это маска Поппеи (второй жены Нерона) — знаменитый состав на основе бобовой муки и аравийской камеди, которым римлянки покрывали лицо на ночь (а утром смывали ее разведенным водой ослиным молоком), — классический пример утилитарной функции косметики, пережившей века. (Этот же прием использовали и арабские купцы — торговцы рабынями. При переездах лица невольниц покрывали маской Поппеи, дабы сохранить эстетические характеристики товара при переходе через пустыни.)

Были среди женщин и свои героини, можно сказать, посвятившие этому искусству все свое свободное, и не только свободное, время. Если вспомнить о древних временах, то, конечно, это Клеопатра — автор одного из самых первых трактатов по лечебной и декоративной косметике. Если обратиться к временам более поздним, то стоит вспомнить императрицу Зою (жену императора Константина IX Мономаха).

По свидетельству Михаила Пселла, «одно довольно увлекало ее и поглощало все внимание: изменять природу ароматических веществ, готовить благовонные мази, изобретать и составлять одни смеси, переделывать другие, и покои, отведенные под ее спальню, выглядели не лучше рыночных лавок <...> Перед спальней горело обычно множество горнов, одни служанки раскладывали кучи ароматических веществ, другие их смешивали, третьи делали еще что-нибудь».¹¹

До глубокой старости сохранила она свежесть кожи, светлые пышные волосы, нежное округлое лицо. (Вместе с мужем она изображена на мозаике южной галереи Софии Константинопольской.)

Вообще говоря, стоит отметить, что в разные времена к изготовителям и продавцам благовонных мазей относились по-разному. В большинстве случаев — с некоторой опаской, обусловленной либо подозрением о сношении с нечистой силой, либо боязнью шарлатанства и фальсификации, весьма и весьма практически повсеместно распространенных. Уже в древности поговаривали, что с помощью косметических препаратов решались и некоторые династические проблемы: древние отравительницы знали и «мягкие» рецепты мгновенного облысения (для соперниц) и быстрого отравления с помощью губной помады или крема для рук (средние века, Европа).

У греков, а позднее и у римлян четко отслеживается и знаковая функция косметики. Так, куртизанки (в отличие от замужних гречанок и рабынь) должны были иметь волосы желтого (шафранного) цвета (иногда — белого). В Риме желтые волосы предписывались публичным женщинам, а рыжие — танцовщицам и куртизанкам. При этом римляне запрещали использование косметики женщинам легкого поведения (клиент должен знать, за что платит), в то время как греки, напротив, не поощряли косметику у своих жен, но приветствовали у всех остальных. Они же ввели и термин «порнография». Художников, расписывавших лица гетер (и статуи) называли *pornographoi*.

В то же самое время по римским законам матрона не имела права изменять цвет волос. Потому они коротко стриглись и носили парики, потребность в которых была очень велика.

При этом практически все косметические ухищрения имели свой «культурный код». Скажем, простое подведение бровей. Если римлянки делали это, чтобы выразить силу и могущество римских матрон, то европейка XIII—XV вв. рисковала прослыть ведьмой, поскольку считалось, что густые (и особенно сросшиеся у переносицы) брови являются важным признаком ведьмовства. Примеров подобного рода можно привести довольно много.

Истолкование смысла «пудры» белого или близкого к ней светло-телесного цвета обнаруживает, что неумеренное отбеливание лица в Испании было продиктовано заботой о «чистоте крови», поскольку любые оливковые или коричневатокрасные оттенки кожи навевали мысли о присутствии среди предков мавров (арабов), чего знатные, скажем, кастильские дамы, будучи от природы частенько смуглокожими, боялись как огня. Неумеренное использование специальных высветляющих кожу составов наблюдается сейчас в Африке. Понятно, что темнокожие дамы хотели бы быть, скажем, оливково-шоколадными. Однако, как установлено врачами, темная кожа южан — не роскошь, а средство защиты организма от ультрафиолетового облучения, столь сильного в экваториальных частях земного шара. Женщины, злоупотребляющие отбеливающими составами (уничтожающими меланин), рискуют получить рак кожи. Это обратная сторона новых косметических технологий, которые, конечно, могучи, но не всеисильны.

Эта же процедура в Корее имела совершенно иные коды. Неизвестный корейский поэт пишет:

Эти брови — словно мотыльки,
Зубы — словно семечки арбуза;

Лик, когда меня завидишь ты,
Заалет персиковым цветом,
Что расцвел в полуночном дожде!¹²

Чтобы завершить этот раздел, приведем следующее высказывание Ш. Бодлера: «Женщина права и даже как бы следует своему долгу, когда старается выглядеть магической и сверхнатуральной. Она должна очаровывать и удивлять. Она идол и потому должна украшать себя золотом, дабы вызывать поклонение. Она должна прибегать к любым ухищрениям, чтобы возвыситься над природой, чтобы легче покорять сердца и поражать воображение. Нужды нет, если хитрость и обман всем очевидны, если успех им обеспечен и эффект неотразим. Именно в этих соображениях художник-философ легко найдет оправдание тех приемов, к которым во все времена прибегают женщины, стремясь поддержать и, так сказать, обожествить свою хрупкую красоту. Мы бессильны перечислить их все и ограничимся лишь теми, которые в наше время обиходно называют *косметикой*. Ведь всякий понимает, что пудра, например, навлекая на себя нелепый гнев целомудренных философов, предназначена для устранения с лица пятен <...> пудра создает видимость единства в фактуре и цвете кожи; благодаря ей кожа приобретает однородность <...> так что живая женщина начинает походить на статую или на существо высшее и божественное. Оттеняющий глаза искусственный черный контур и румяна в верхней части щек применяются с той же целью, то есть для того, чтобы возвыситься над природой, но при этом выполняют противоположную задачу. Красный и черный цвета символизируют жизнь, интенсивную и сверхнатуральную. Темная рамка делает глаз более глубоким и загадочным, она превращает его в подобие окна, распахнутого в бесконечность. Румянец, играющий на скулах, подчеркивает ясность зрачков и добавляет к красоте женского лица таинственность и страстность жрицы».¹³

К началу XIX в. из всего многообразия косметических ухищрений была выделена важнейшая составляющая — лечебно-гигиеническая. И уже к концу века по мере вызревания психологии — социально-психологическая функция косметики. На сегодняшний день последняя обрела форму советов профессионалов — как делать макияж, какой макияж приличествует молодым женщинам, какой — пожилым и т. п. (Это очень важно, поскольку число безвкусно накрашенных женщин, стремящихся к недостижимым идеалам, явно больше, чем число умеющих вовремя остановиться и осознать, что можно, а чего нельзя.) И здесь — в этом вроде бы чисто утилитарно-эстетическом направлении развития косметики — неожиданно просматриваются древние слои магического и мифопоэтического сознания. В самом деле — средства массовой информации усиленно разрабатывают золотую для них жилу мифопоэтического сознания. Когда по телевизору показывают «Мадонну», то ничего, кроме удивления — как можно быть такой вульгарной, не возникает. Но ведь этому образцу следуют миллионы. И если она подыгрывает им во имя кассового успеха и популярности, то юные дуручки пытаются следовать ей всерьез и ничего, кроме дурного вкуса, не обнаруживают. С другой стороны, промышленность, производящая косметические препараты, заинтересована в том, чтобы женщины расставались с деньгами

без слез. Для этого в обмен надо предложить... надежду. Поэтому реклама косметических средств учитывает не только мифопоэтическую компоненту женского сознания («Я тоже буду, как...»), но и магическую составляющую («Это поможет мне выглядеть так, что...»).

Эта функция косметики лучше всего может быть проиллюстрирована следующим стихотворением безымянного корейского поэта:

— Купи-ка, хозяйка, румян и белил!
— Что ж, если товар твой хорош,
Куплю я румяна-белила твои.
— Хорош ли товар мой иль нет,
Не знаю, но коль нарумянишься ты
И густо лицо набелишь,
То станешь тогда ты красивой такой,
Какой никогда не была,
И крепко полюбит тебя твой дружок, —
Таков мой, хозяйка, товар.
— О, если ты правду, купец, говоришь,
Отвесь-ка мне пуд поскорей.¹⁴

И сейчас, вполне синхронно с ростом всяческих оккультных увлечений, возрождаются и те, вроде бы ушедшие в подсознание, представления о возможности «управления» действительностью с помощью магии.

Вероятно, некоторое рациональное зерно в этом есть: в том плане, что умелое формирование своего имиджа еще никому не принесло вреда.

Косметика и судьба

Остановимся на одном аспекте взаимосвязи между косметикой и представлениями о законах организации мироздания. В древности, до возникновения иудейско-христианской религиозной картины мира, в основном господствовало убеждение, что судьба человека, его жизненный путь предопределены волей богов, Неба или сверхчеловеческих, космических сил, проникновение в «замысел» которых невозможно и единственным средством для выяснения будущего является гадание, с помощью которого можно, казалось бы, приоткрыть непроницаемый занавес, отделяющий настоящее от будущего. В этих условиях основные функции косметики были смещены в охранительную и медицинскую сторону. Тезис «ловите миг удачи» был бы в эти эпохи просто не понят. Это не значит, что косметика была как бы не нужна. Скажем, в древней Месопотамии была распространена особая форма потери девственности со случайным партнером (путником),* деньги за которую шли в дар богине Иштар и считались жертвенными и приносящими семье удачу, долголетие и прочность семейного очага. Для этого у ограды храма или в священных рощах, ей посвященных, девицы на выданье сидели у костров с ароматическими поленьями и травами в венках из веревки и ждали того путника, который их дефлорирует. Эротическое воздействие силь-

* В общем, несправедливо названная одним из видов проституции.

ных ароматических составов (в том числе на основе мускуса и цибетина) в сочетании с мощной, яркой косметикой, вероятно, сокращали время ожидания.

В другие эпохи косметика, при сохранении своих магических компонент, обретала и отчетливо прагматический характер. Скажем, в Древней Греции существовал «институт» гетер, которые, однако, делились не только по признакам красоты, талантливости и возраста. Иногда им выдавались и специальные задания целенаправленного соблазнения политических лидеров сопредельных государств с целью отбора их генофонда и рождения от них «незаконных» наследников, которые впоследствии могли претендовать на свою долю власти, или, по крайней мере, их появление вносило пикантное разнообразие в обыденное существование царьков, царей и тиранов. Для этого в Коринфе существовала специальная школа гетер, и именно по этому поводу в древности говаривали: «Не всякому путнику стоит посещать Коринф». Разумеется, в Коринфе обучали не только этому искусству, тамошние школы (до тысячи учениц) славились далеко за пределами Эллады не только эротическими приемами, но и утонченной косметикой, которая в обыденных ситуациях просто повышала рентабельность древнейшей профессии. В этом плане складывается мнение, что греки были первыми не только в философии, но и в искусстве отделения «священного» от «прагматичного», поскольку именно от них ведут свою неуывающую историю и классическая проституция (за деньги), и косметика как средство привлечения внимания с целью соблазнения и очистки карманов.

Резко отрицательно относились к косметике иудейские пророки и, позднее, христианские проповедники. В стремлении к спасению души они иногда пренебрегали даже элементарными гигиеническими процедурами. Однако со времен Крестовых походов восточная роскошь и восточная косметика постепенно начали свое шествие по Европе. Однако если во времена Возрождения ее использование было, главным образом, уделом дам нестрогого поведения, то позднее средневековые пережестилось по части косметики даже самых отчаянных римлянков. И связано это было, в частности, с тем, что к этому времени в общественном сознании предопределение уступило место Случаю, его величеству Удаче. Нравилось это далеко не всем, и если великие авантюристы в своих записях не оставили осуждающих косметику комментариев, то упрямые и последовательные протестанты рассматривали косметику как попытку вмешательства в волю Провидения с помощью магических приемов, в том числе косметических. Этим объясняется, в частности, указ, изданный в 1770 г. во Франкфурте-на-Майне, о том, что «если кого-либо из мужчин в нашем городе обманом заставят вступить в брак, используя разные подложные средства, как-то: белила, румяна, помаду, духи, вставные зубы, накладные волосы, подушечки вместо грудей и тому подобное, — женщина подлежит суду за колдовство, и суд может признать брак недействительным».

Почти в то же время и в США, в штате Нью-Джерси, был издан закон подобного содержания. Если женщина, гласит он, независимо от ее возраста и положения, после опубликования настоящего закона с помощью косметических средств, парика или

туфель на высоких каблуках соблазнит мужчину, она подлежит наказанию как колдунья.

Известны подобные документы и в Великобритании, и во Франции XVIII в. Например, Людовик XV требовал, чтобы комнаты дворца каждый день ароматизировали по-новому, что вполне уживалось у него с фанатичным поклонением природе. По свидетельству III. Бодлера, когда г-жа Дюбарри не желала принимать короля, она пользовалась румянами, и король, увидев ее макияж, бежал в этот день от ее порога.

В 1799 г. запрет на использование грима ввел английский парламент, королева Мария-Терезия (мать Марии-Антуанетты) официально запретила пользоваться гримом в Австрии.

Была еще одна причина негативного отношения к косметике начиная со средних веков. Дело в том, что декоративная косметика — это, в сущности, маска. Причем если сейчас мало кто использует по-настоящему *hard* — косметику, то в старые времена слои пудры, грима, раскраски буквально до неузнаваемости изменяли облик.

Однако ношение маски (личины дьявола) — это потеря образа, данного человеку Создателем. Поэтому использование маски (в том числе и в карнавале, и в комедии) являлось, по тем представлениям, святотатством. Поэтому, кстати, вполне в духе современных рекомендаций, после того как маска снималась, было необходимо выполнять обряд очищения — водой. Но для христиан — не обычной водой, а освященной.

Как это ни покажется странным, актуальность таких указов объясняется не только религиозно-этическими соображениями, но и стремлением к предотвращению сексуальной (эротической) агрессии. Так, в Иллинойсе (США) уже в начале XX в. возбранялись корсеты, короткие юбки, короткие рукава, глубокий вырез на платье. Известно, что в Англии сейчас существует общество мужчин, подвергшихся сексуальной провокации.

Возвращаясь к функциям косметики в их историческом развитии, отметим также, что ныне — в неосознанном виде, а в древности — вполне сознательно косметика имела как бы функцию управления действительностью средствами магии, и это еще один план ее применения как своеобразного заклинания, выполненного средствами линии и цвета, как некоторое безмолвное сообщение, адресованное, например, злым духам — «не тронь меня». Дело в том, что убежденность в незыблемости, например, закона кармы вполне уживалась с представлениями о том, что знание подходящего волшебного слова (заговора, магической процедуры) может изменить (направить) судьбу в другое русло, и только греки окончательно распростились с этим мнением, став по-настоящему «героическими пессимистами». В этом плане различные косметические препараты казались носителями (медиаторами) внечеловеческих сил, и истолкование различных рецептов с такой точки зрения представляет увлекательную, но почти непреодолимую задачу. И если некоторые приемы ритуальной косметики (окрашивание тела в белый цвет — символ перехода в царство мертвых и, после испытаний и омовения, окрашивание тела в красный цвет — символ жизни) ведут свою цветопоэтическую и мифопоэтическую родословную от трех великих цветов древности (белого — молоко, красного — кровь, черного — экс-

кременты, ночь), то процедуры собственно декоративной косметики такого легкого истолкования не допускают.

Славный XIX век, выдвинувший на первый план позитивистское понимание мира и положивший в основу косметики научное, базирующееся на развитии химических технологий* знание, изменил весь ход развития человечества, и косметики в частности. Благодаря великим европейским ученым — химикам и фармацевтам, многие ожидаемые со страхом и нетерпением нововведения осуществились. Например, тончайшие исследования французских косметологов привели в конце 80-х гг. к созданию действительно волшебного средства для омоложения кожи — увлажняющего крема «Каптюр».

Утрата религиозных ценностных ориентаций (забота о спасении души) в XIX в. и их замещение психологией (на любой вкус) коренным образом изменили или переставили все акценты, в то же самое время не отменив ни одной из главных компонент декоративной косметики — магическую, каноническую, стилиобразующую, которые секуляризовались и приобрели, если угодно, отчетливо меркантильный характер, в соответствии с законом обратной перспективы, центром которой является теперь женское «я», опосредованное психо-социальными стереотипами мотивации и поведения.

Естественно, что художники почувствовали холодное дыхание «рацио» первыми, о чем и свидетельствует приведенный выше отрывок из Бодлера. Однако смещение «центра мира» из абсолюта в «эго» оказалось, надо сказать, чревато непредсказуемыми и весьма опасными последствиями. Если ранее женщина следовала принятым в ее среде косметическим приемам, то теперь в качестве проекции выступает ее собственное «я». Тем самым характер декоративной косметики демонстрирует не только наличие (или отсутствие) культуры и вкуса, но и внутренние побудительные мотивы, которыми они руководствуется или не руководствуется при выборе своего облика.

Свобода самовыражения — особенно со второй половины XX в. — тяжкий и опасный груз.

После второй мировой войны в развитых европейских странах и Северной Америке в массовом, все возрастающем объеме начали выпуск необозримых количеств различных средств всех видов косметики — декоративной, гигиенической и лечебной. В условиях вседоступности и, по большому счету, вседозволенности перед миллионами женщин встала поистине неразрешимая проблема *выбора* — личного дела каждой женщины. Но в зависимости от вкуса, воспитания, традиций (национальных или семейных) *выбор* — это и саморазоблачение, потому что ничто так не раскрывает отношения к действительности, систему ценностей, психологический тип поведения, уровень культуры, как некомпетентное («как я хочу») использование декоративной косметики и возможностей современной моды.

При возрастании мощи научного знания и появлении иллюзии всемогущества человеческое сознание не выдерживает только

* Эти прагматики в скюртуках и фраках решительно покончили с волшебством, загнали его в колбу технологии. Не зря Николай I обзывал их «эти каналы во фраках». Он был по-своему прав. Они действительно добились своего: мир стал абсолютно другим благодаря их стараниям.

одной опоры для понимания и оправдания действительности. В помощь психологии (самой распространенной имитации религиозного опыта) возрождается магия — как антинаука, не отрицающая науку, а как бы дополняющая науку наподобие того, как черный и белый цвета слиты в известном символе «янь—инь».

И опять — был абсолютно прав художник: «Сердце Маргариты страшно стукнуло, так что она не смогла даже сразу взяться за коробочку. Справившись с собой, Маргарита открыла ее и увидела в коробочке жирный желтоватый крем. Ей показалось, что он пахнет болотной тиной. Кончиком пальца Маргарита выложила небольшой мазочек крема на ладонь, причем сильнее запахло болотными травами и лесом, а затем ладонью начала втирать крем в лоб и щеки. Крем легко мазался и, как показалось Маргарите, тут же испарялся. Сделав несколько втираний, Маргарита глянула в зеркало и уронила коробочку прямо на стекло часов, от чего оно покрылось трещинами. Маргарита закрыла глаза, потом глянула еще раз и буйно расхохоталась.

Ощипанные по краю в ниточку пинцетом брови сгустились и черными ровными дугами легли над зазеленевшими глазами. Тонкая вертикальная морщинка, перерезавшая переносицу, появившаяся тогда, в октябре, когда пропал Мастер, бесследно пропала. Исчезли и желтенькие тени у висков, и две чуть заметные сеточки у наружных углов глаз. Кожа щек налилась ровным розовым цветом, лоб стал бел и чист, а парикмахерская завивка волос развилась.

На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати, безудержно хохочущая, скалящая зубы.

Нахотавившись, Маргарита выскочила из халата одним прыжком и широко зачерпнула легкий жирный крем и сильными мазками начала втирать его в кожу тела. Оно сейчас же порозовело и загорелось, <...> а затем тело Маргариты потеряло вес <...>

Втирания изменили ее не только внешне. Теперь в ней во всей, в каждой частице тела, вскипала радость, которую она ощутила, как пузырьки, колющие все ее тело. Маргарита ощутила себя свободной, свободной от всего».¹⁵

Попытка возврата к гармоничному единению с природой, попытка преодоления пропасти, воздвигнутой между человеком и Вселенной культурой Возрождения. Отказ от цивилизованности — и обещание юной красоты нимфы-ведьмы. Трещины на часовом стекле как символ умершего времени, его перерождения в мифологическое время, в котором мгновения могут быть веками человеческого обыденного существования.

Все это переключается с тем, что было сказано выше, при анализе феномена косметики в христианском сознании.

Но в небольшой публикации, посвященной косметике, невозможно поставить и решить все вопросы, которые возникают при рассмотрении этого явления культуры.

Однако даже приведенный материал убеждает, что феномен косметики — очень перспективное направление работы и его следует рассматривать в системе фундаментальных координат культурологии.

На их роль могут претендовать лишь те понятия и представления о мире, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. В первую очередь приходят в голову следующие «координаты»:
 — Есть ли Бог (или вечная безразличная Вселенная)?
 — Есть ли предопределение (или миром правит Случай)?
 — Есть ли цель человеческого бытия и бытия человечества (или оно бессцельно и бессмысленно, или — «каждому по Веру его»)?

Примечания

- ¹ Богатырев П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 277—366.
- ² Klein S. Three Shulgi Hymns. Ramat Gan, 1981. P. 138.
- ³ Пселл М. Хронография. М., 1975. С. 88.
- ⁴ Петроний. Сатирикон. М., 1976. С. 170.
- ⁵ Там же. С. 313.
- ⁶ Матье М. Э. Во времена Нефертити. М.; Л., 1965. С. 77.
- ⁷ Греческая эпиграмма. М., 1960. С. 225.
- ⁸ Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 106.
- ⁹ Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства. М., 1964. С. 144—145.
- ¹⁰ Джойс Д. Улисс. М., 1989. С. 148.
- ¹¹ Пселл М. Хронография. С. 87.
- ¹² Корейская классическая поэзия / Пер. А. А. Ахматовой. М., 1956. С. 224.
- ¹³ Бодлер Ш. Об искусстве. М., 1986. С. 309.
- ¹⁴ Корейская классическая поэзия. С. 230.
- ¹⁵ Булгаков М. Избранное. М., 1982. С. 187.

P. L. Dubov

THE HISTORY OF COSMETICS IN THE CONTEXT OF CULTURE

Being connected etymologically with the ideas about the Universe and thus the ideas about Beauty, the art of cosmetics has not only a long but also an instructive history which reflects the most important periods of the history of mankind. It has a lot of parallels in other phenomena of culture which are studied by theologians, historians, ethnologists and philosophers ranging from the ideas about Destiny and Chance to the attitude towards a woman and the history of morals. It is also connected with the history of development of natural resources of the Earth, and in many cases it was the technology of production of cosmetic, perfumery and medicinal preparations that preceded «large» technologies that caused «technological revolutions» in the ancient times. This is the reason why the complete history of cosmetics has not been written yet.